

ФЕЛИКС ЧУЕВ

НЕ “СПИСОЧНЫЙ” МАРШАЛ

“№ 3641242
Секр. 4 отд. РУ ВВС ГЕРМАНИИ

ВОЕННО-ВОЗДУШНЫЕ СИЛЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА АВИАЦИЯ ДАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ (АДД)

*Сентябрь 1943
4 отдел Разведуправления ВВС*

Данные для этой разработки были неоднократно проверены, ибо для этого много благоприятных обстоятельств. На достоверность всех данных было обращено особенно серьезное внимание.

История развития АДД.

...В начале войны перед военным руководством Советского Союза встала серьезная задача создания единой системы подготовки и обучения всех соединений дальней бомбардировочной авиации, ибо налицо были грубые ошибки в ее боевом применении и ощутимые потери. Уже в первые дни войны высшее командование ВВС КА благодаря неправильному использованию соединений дальней бомбардировочной авиации потеряло весь состав самолетов-бомбардировщиков и отлично подготовленный для ночных и слепых полетов летный состав.

При дневных действиях по переднему краю обороны дальнебомбардировочная авиация выполняла свои задачи без сопровождения истребителями, что привело к огромным потерям...

В апреле 1942 года военным руководством были приняты решительные меры и в удивительно короткий срок был создан “Оперативный воздушный флот” — АДД.

...АДД выводят из состава ВВС КА и ставят во главе ее признанно способного, имеющего боевой опыт генерал-полковника Голованова, который быстро был произведен в маршалы авиации и пользуется чрезвычайно большим доверием у Сталина.

Принимая во внимание ее особые задачи, АДД в дальнейшем получает самостоятельность...

Организация АДД.

Организация высшего командования АДД (Штаб и Военный Совет). ...Во главе АДД стоит Главнокомандующий — летчик дальнебомбардировочной авиации А. Е. Голованов, который 3 августа 1943 года был произведен в маршалы авиации.

По всеобщему мнению, он считается одним из способнейших генералов ВВС СССР. Имея многолетний опыт как летчик гражданской авиации, он обладает большими данными и отличным организаторским талантом.

ЧУЕВ Феликс Иванович родился в 1941 году в г. Свободный Амурской области. Окончил Московский энергетический институт и Высшие литературные курсы. Автор многих книг стихотворений, а также книг “Сто сорок бесед с Молотовым” и “Так говорил Каганович”. Член Союза писателей. Живет в Москве.

В Академии гражданского воздушного флота и во время своей работы в качестве руководителя территориальных управлений ГВФ в Средней Азии и Сибири он получил всесторонние знания в области авиации, и в частности, в области дальних воздушных сообщений, а также организационно-административные навыки, которые он и использует в настоящее время в военной авиации.

Кроме того, он имеет большую популярность, хорошее общее развитие и обладает большой энергией.

Значительно то, что до сих пор никто из пленных летчиков не мог сказать про него ничего отрицательного, что совершенно противоположно по отношению ко многим другим генералам ВВС СССР.

Положение Голованова, а также всей АДД знаменуется очень близким личным отношением Голованова к Сталину. Согласно показаниям военнопленных, Голованов еще в первые годы существования Советской власти, очевидно, был активным деятелем ЧК. Впоследствии он сменил свою работу в партийных органах на профессию простого летчика, где также успешно проявил себя. В 1938 году советская пресса отмечала его как летчика-миллионера, налетавшего миллион километров.

Голованов, в числе немногих, имеет право на свободный доступ к Сталину, который называет его по имени в знак своего особенного доверия.

Как представитель Ставки Верховного Главнокомандования Голованов не менее значительная личность, чем маршал Новиков, не говоря уже о его обширных знаниях в тактических вопросах.

АДД особенно обязана личности Голованова тем, что она к сегодняшнему дню является предпочтительным видом авиации ВВС СССР, имеет больший авторитет, чем другие виды авиации и стала любимницей русского народа".

Это писал враг. Для себя.

КАКОЙ БЫЛ МАРШАЛ — МАРШАЛ ГОЛОВАНОВ!

...Странно: человека нет уже 16 лет, а не прошло, наверное, и дня, чтобы я не вспомнил о нем и не услышал его слова:

— Я тебе скажу следующее дело...

Знавал я многих крупных военных, даже с некоторыми самыми прославленными довелось не раз беседовать, и все-таки:

Какой был маршал—

маршал Голованов!

Были у меня такие стихи...

Я познакомился с ним в 1968 году в Научно-исследовательском институте гражданской авиации, где я работал инженером по летным испытаниям, а Главный маршал авиации (кстати, первый в нашей стране, получивший звание в 39 лет, самый молодой маршал в мире!) заканчивал свою карьеру в должности заместителя начальника института по летной части, а практически — летал вторым пилотом на опытных самолетах. Такое только в России...

Его рано уволили на пенсию, после смерти Сталина. Просил работу, ответили: "Для ваших погонов у нас и должности нет!" И тогда он пошел летать в НИИ.

Его дедом по матери был Николай Кибальчич, да, да, тот самый революционер-народоволец, что готовил покушение на царя и был за это царем повешен. Тот самый, что перед самой казнью отправил из тюрьмы на высочайшее имя пакет с чертежами первого в мире космического летательного аппарата...

Вот такое родство.

А в октябре 1917 года 13-летний Голованов вступил в Красную гвардию — благо, вымахал ростом под два метра и выглядел на все 16... Воевал на Южном фронте, работал в контрразведке. Принимал участие в аресте Бориса Савинкова, и пистолет знаменитого эсера хранился в столе у будущего маршала. В 21 год он носил четыре шпалы на петлицах — полковник, по более поздним понятиям. Но, как спустя годы напишет о нем в своем досье Гитлеру немецкая разведка, "он сменил свою работу в партийных органах на профессию простого летчика, где так же успешно проявил себя".

Он стал гражданским летчиком, быстро вырос до начальника Восточно-Сибирского управления гражданского воздушного флота. И — 1937 год.

Исключен из партии в Иркутске, чудом избежал ареста: друзья-чекисты

предупредили, чтоб срочно уезжал в Москву, за правдой. В Москве с трудом устроился вторым пилотом. И добился правды: Комиссия партийного контроля выяснила, что исключен он ошибочно, более того, обнаружили документы о представлении его к ордену Ленина за работу в Сибири. Ему вновь предложили руководящую должность, уже в Москве, но он отказался и продолжал летать пилотом. Очень хорошим пилотом.

В 1938 году газеты писали о нем, как о летчике-миллионере, то есть налетавшем миллион километров. Дальше — Халхин-Гол, финская кампания. Голованов летает, применяя передовое в самолетовождении — радионавигацию; точно выводит самолет на цель, выполняет с экипажем задание и возвращается на базу. Немногие тогда так летали.

...Новый, 1941 год шеф-пилот Аэрофлота Голованов встречал в Москве, в клубе летчиков, где теперь гостиница “Советская”. Голованов сидел за столом с генеральным инспектором ВВС Яковом Владимировичем Смушкевичем. Смушкевич завел разговор о том, что наши летчики слабо подготовлены к полетам в плохую погоду, вне видимости земли, что показала Испания и, особенно, Финляндия.

— И вы должны об этом написать письмо товарищу Сталину, — сказал Смушкевич Голованову.

Много лет спустя мы вдвоем с Головановым читали это письмо... “Товарищ Сталин! Европейская война показывает, какую огромную роль играет авиация при умелом, конечно, ее использовании. Англичане безошибочно летают на Берлин, Кельн и другие места, точно приходя к намеченным целям, независимо от состояния погоды и времени суток. Совершенно ясно, что кадры этой авиации хорошо подготовлены и натренированы...

Имея некоторый опыт и навыки в этих вопросах, я мог бы взяться за организацию и организовать соединение в 100—150 самолетов, которое отвечало бы последним требованиям, предъявляемым авиации, и которое летало бы не хуже англичан или немцев и являлось бы базой для ВВС в смысле кадров и дальнейшего увеличения количества соединений.

Дело это серьезное и ответственное, но, продумав все как следует, я пришел к твердому убеждению в том, что если мне дадут полную возможность в организации такого соединения и помогут мне в этом, то такое соединение вполне возможно создать. По этому вопросу я и решил, товарищ Сталин, обратиться к Вам.

Летчик ГОЛОВАНОВ.”

С облегчением, что выполнил указание начальства, отправил письмо, однако не надеясь на то, что оно попадет столь высокому адресату, а если и попадет, то станет ли Сталин читать письмо простого летчика?

Вскоре его очередной полет в Алма-Ату был прерван, срочно вызвали в Москву.

— Несколько раз звонил какой-то Маленков, — сказала жена.

Вскоре снова позвонили, прислали машину, и Голованов оказался в кабинете секретаря ЦК Г. М. Маленкова, который после короткого разговора снова предложил сесть в машину. Не прошло и пяти минут, и они вошли в небольшой подъезд, поднялись на второй этаж. По кабинету от дальнего стола навстречу шел человек, знакомый всему миру по портретам.

— Здравствуйте, — сказал Сталин. — Мы видим, что вы действительно настоящий летчик, раз прилетели в такую погоду. Мы вот здесь, — он обвел присутствующих рукой, — ознакомились с вашей запиской, навели о вас справки, что вы за человек. Предложение ваше считаем заслуживающим внимания, а вас считаем подходящим человеком для его выполнения.

Как во сне. Все снова, с нуля началось для Голованова. Верней, не с нуля. С полка. Сталин присвоил Голованову звание подполковника. За три года он вырос до Главного маршала авиации.

— Как к вам относился Сталин? — спросил я его.

— Как я к тебе, — коротко ответил Александр Евгеньевич.

В Подольском военном архиве мы вместе будем читать разработку немецкой разведки:

“Голованов в числе немногих имеет право на свободный доступ к Сталину, который называет его по имени в знак своего особого доверия”.

— А ведь правда, называл, — улыбается Голованов, снимая очки. — Откуда они все это узнали?

Я тебе скажу следующее дело: я его ни разу не подвел, ни разу не обманул. Маршалское звание у него получил за Курскую битву. Это при Никите маршалов списком утверждали. А я не списочный, — боевой! И Жуков, и Рокоссовский признавали только тех маршалами, кто получил это звание на фронте.

В одну из самых первых наших встреч я напрямик сказал Голованову:

— Александр Евгеньевич! Немецкие полководцы написали горы фолиантов о том, как вы их разбили, а вы, полководцы Победы, ничего не рассказывали.

Еще не было мемуаров Жукова, Рокоссовского, Конева...

— Да я не умею.

— Поможем.

— Не напечатают.

В этом была большая доля истины, хотя поначалу повезло: несколько испитанных маршалом ученических тетрадок я показал В. А. Кочетову, возглавлявшему журнал "Октябрь", и в июле 1969-го в журнале появились первые главы "Дальней бомбардировочной..." Голованова. Но тут-то и началось!

Своими прямыми, откровенными воспоминаниями Голованов как бы разворошил "былое". Каждая новая публикация давалась с великим трудом и автору, и редактору журнала. Было, конечно, немало сторонников и союзников. Мне сказал М. А. Шолохов, что высокую оценку этим запискам дал глава правительства А. Н. Косыгин, назвав их самой честной книгой воспоминаний. Однако было много и высоких недругов, некоторые из них потом стали "перестройщиками". Мемуары Голованова появлялись в "Октябре" с большими перерывами еще четыре раза — последний отрывок был в июле 1972 года. Были они набраны отдельной книгой в издательстве "Советская Россия", но по чьему-то злому умыслу набор рассыпали. Так и не вышла она до сих пор, несмотря на кажущуюся гласность или — чего захотели! — плюрализм мнений. А вторая часть вообще не увидела свет, даже в периодике.

Я помогал маршалу, редактировал рукопись, добывал нужные материалы, но все — впустую. Неудобен-с такой маршал.

— Я особенно им неудобен, — говорил Голованов, — потому что сам пострадал в 1937-м, мужа сестры моей расстреляли. Но я, работая со Сталиным, видел, какой это человек.

...В последнюю нашу встречу с Головановым, когда ему оставались считанные дни, он лежал на даче, сломленный страшным недугом:

— Даже руки тебе не могу пожать. Давай попросимся с тобой по-испански: "Салют! Салют!" — он с трудом поднял сжатую в кулак руку. Очень переживал, что не издана книга:

— Какая-то букашка правит идеологией... Но придут люди из нашей России, Советской России, все напечатают!

Я понимал, что это будет нескоро, и все годы, как и при общении с Молотовым, вел подробнейший дневник, записывая каждую встречу. Сколько мне пона-рассказывал маршал Голованов!

Хочу поделиться с Вами, читатель, ибо это, наверно, не только мне до сих пор интересно.

Странно: человек умер 16 лет назад, а я всегда вижу его перед собой. Вот он сидит за столом в белой рубашке, крутит в руках расческу и, покашливая, начинает:

— Я тебе должен сказать следующее дело...

Когда противен мир и не хочется жить, когда из года в год, изо дня в день над тобой измываются, оскорбляют и унижают животные разных уровней развития и общественного положения, думаешь: "Боже мой! Того мы все и стоим!" И не жаль становится ни прошлых жертв, ни будущих, и сам готов чуть ли не стрелять в любое омерзительное существо, у которого вместо бирки на шею почему-то имеется документ, удостоверяющий личность и гражданство, — вот тогда, чтобы остановить себя и не уподобиться стоящей перед тобой твари в человеческой одежде, я вспоминаю таких, как Александр Евгеньевич Голованов. И горжусь своей Родиной. Своим народом.

Расскажу о том, что слышал от этого человека...

С симпатией отзывался Голованов об Иване Степановиче Коневе. Говорил, как нелегко достались Коневу первые полтора года войны, когда ему все время приходилось сталкиваться с отборными, кадровыми гитлеровскими войсками. Молотов по поручению Сталина ездил на фронт снимать Конева с поста командующего фронтом и назначать вместо него Жукова. Конева хотели судить за неудачи, и дело кончилось бы весьма плачевно для Ивана Степановича, но Жуков защитил его перед Сталиным: “Так мы всех расстреляем!” — сказал он Верховному. Неудачи не сломили Конева. Велики были его воля и желание воевать. Он совершенствовал свой талант и стал проводить смелые, решительные, успешные операции по окружению крупных сил противника. Так, в знаменитой Корсунь-Шевченковской операции было разгромлено более десятка немецких дивизий. В Уманьской наступательной операции войска Конева уничтожили до ста восемнадцати тысяч солдат и офицеров противника и более двадцати семи тысяч взяли в плен, не говоря уж о крупных трофеях.

“Характер у маршала Конева был прямой, — свидетельствует Голованов, — дипломатией заниматься, прямо надо сказать, он не умел. Комиссар еще с времен гражданской войны, он привык общаться с солдатскими массами. В войсках его звали солдатским маршалом”.

Александр Евгеньевич отмечал, что Конев был удивительно храбрым человеком. Командуя Калининским фронтом, он получил донесение, что одна из рот оставила свои позиции и отошла. Иван Степанович поехал туда и, лично руководя боем, восстановил положение. “Правда, — говорит Голованов, — я был свидетелем, как Сталин ругал его за такие поступки и выговаривал ему, что не дело командующего фронтом лично заниматься вопросами, которые должны решать, в лучшем случае, командиры полков, но храбрых людей Сталин очень уважал и ценил”. “Я тебе скажу следующее дело, — продолжает Голованов, — Конев иной раз бил палкой провинившихся. Когда я ему сказал об этом, он ответил: да я лучше морду ему набью, чем под трибунал отдавать, а там расстреляют!”

От легендарного летчика Георгия Филипповича Байдукова я услышал целую новеллу:

— Конев меня часто “расстреливал”, когда я был единственным командиром дивизии на Калининском фронте. Я Конева в душе уважаю — он грубоватый, как топор буквально, может врезать палкой, но довольно быстро отходил, когда понимал, что неправ.

Я изучил обстановку на Калининском фронте и понял, что в одном месте могут быть окружены две армии, что очень усложнит наше положение. И решил в этом котле сделать аэродром для штурмовиков и истребителей, если понадобится. В это время шли сильные дожди, аэродром раскис, стоянки превратились в болото, нужно было жерди стелить, чтоб вырулить на центральную часть аэродрома, которая была на возвышенности, подсыхала, и можно было бы взлететь. Тягачами даже вытаскивали самолеты из капониров.

Начальник штаба докладывает:

— Требуем вылета штурмовиков!

Я говорю:

— А как аэродром? Отменить!

Следует второе приказание — начальника ВВС Калининского фронта М. М. Громова. Я говорю:

— Отменить!

Тогда мне говорят:

— Командующий фронтом Конев приказал!

Я говорю:

— Отменить!

У меня мальчишки девятнадцатилетние, их еще надо на Ил-2 учить летать...

А зимой меня вызывают на Военный совет. Снега огромной высоты были. Идут войска, танки, а мы на полуторке едем. Прибыли. Домина здоровый, школа — не школа, огромное помещение. И выходит Захаров, начальник штаба, будущий маршал, кровь вытирает с носа:

— Ударил, сволочь!

— Что ж такое, — говорю ему, — Матвей Васильевич, брал Зимний дворец, пистолет-то на боку висит, ты бы его проучил!

И нас вызывают:

— Авиация, заходи!

Я с комиссаром был. Входим. Стул стоит, на нем мундир генерал-полковника. Конев сидит в рубашке. Один член Военного совета сидит на одном столе, другой на другом. Больше ничего нет.

— Здравия желаю!

— Садитесь!

— Видите ли, я не из магометан, не привык на полу сидеть, — говорю.

Как он разозлился!

— Бары! Барам этим подавайте, пожалуйста, кресла, стулья!

Притащили стулья деревянные, скамейку.

— Почему вы не разрешили вылетать штурмовикам (называет дату)?

— Очень просто. Мы бы побиили самолеты, не принеся противнику никакого вреда. На взлете у нас многие в лес влетали бы!

Он смотрит на комиссара штаба ВВС:

— Так что ж ты, б..., мне морочил голову?

А он был у нас — мне говорили, — меня тогда не было. Ему командир полка, чтобы выслужиться, доложил: мол, аэродром в идеальном состоянии, взлетать можно. Вернулся я, узнал, что комполка комиссару нарассказывал, и приказываю:

— Заправляйте самолет, полное боевое снаряжение, покажите нам взлет. Бомбы сбросите в лесу.

Он побледнел, понял, что не взлетит. Приказал одному из летчиков.

— Назначайте сами боевую нагрузку, снижайте максимально. Уменьшите бензин.

Понесся — вижу, не оторваться ему. И как закатится в лес! Крылья отлетели, а парень цел. Коневу и об этом донесли, мол, боевого вылета нету, а потеря есть.

— Это что же вы делаете? — кричит Конев. — Вы чем командуете? Вы знаете, что такое Ил-2? Да он, если по танку даст, танк переворачивается!

— Товарищ командующий, я просил всех командармов, кто какую новинку немецкую будет иметь, особенно танки, доставлять мне на полигон, чтобы я мальчишек приучал, как их “раскусить”. А здесь получилось как? Этот представитель приехал, аэродром подсушился, и я решил командира полка проверить. Командир полка неважно себя почувствовал, взяли обычного строевого летчика и разбили самолет.

Как же он меня пушил! У него такое представление было, что Ил-2 — идеальный самолет, как только он появится, то даже от его “эрэсов” все летит прахом... Ну, может гусеницу танка разорвать, если в слабое место попадет, вмятину хорошую сделать... А Конев меня убеждает: “Как стукнет Ил-2!”

Я говорю:

— Ничего подобного! Вот сейчас готовятся штурмовики с орудиями большего калибра — 37 мм, у них подкалиберный снаряд бронебойный, они могут броню прошить. А самое главное, мы мечтаем о ПТАБах — разрабатывается такая противотанковая бомба — вот тогда другое дело! Я, конечно, виноват, что я взял такой метод проучить командира полка, чтобы он перед каждым приезжающим из штаба фронта не вытягивался, а доказывал, что можно, чего нельзя. У меня начальник штаба, например, такой, что может застрелить, если ты начинаешь колебаться...

Смотрю, у Конева пошло на спад. Он мне говорит:

— А что вы смотрите в окно?

Я говорю:

— Мы приехали на полуторке, боюсь, чтоб ее не сперли.

— Какую полуторку?

— Ту, на которой приехали. Я у вас на фронте единственный командир дивизии, у которого нет машины.

— Ты вчера из Москвы на чем приехал? — спрашивает Конев у члена Военного совета.

— “Форд — восьмерка”.

— “Форд — восьмерка”, как? — спрашивает у меня Конев.

— Я знаю эту машину по Америке. Хорошая машина.

— Берешь?

— Беру. Только у меня нет шофера. Есть шофер грузовой, с полуторки.

— Ну, давай отдадим ему машину с шофером!

Поговорили, прощаемся. Я выхожу последним, не торопясь. Конев кричит:

— Товарищ Байдуков!

Подхожу к нему.

— Знаешь, что я хочу тебе сказать? Хотя ты и герой народный, но несмотря на все твои заслуги, на фронте никакой скидки нет.

Я говорю:

— Господи! Кому вы говорите? Я сам такого же взгляда придерживаюсь. Война есть война, да и мы на такой работе горячее, что мы и войны-то не боимся, летчики, потому что где-нибудь нас придушит аэроплан.

— Знай, пощады не будет! — говорит Конев.

— Я считаю, что пощада всегда должна быть в справедливой форме: если голову рубить, то начисто или с наклоном небольшим.

— О, ты мастер, оказывается!

— А как же!

— Но вам-то по физиономии не врезал! — говорю я Байдукову.

— Я бы вытащил тогда пистолет! — отвечает Георгий Филиппович.

Это его рассказ о Коневе.

Но вернемся к тому, что говорил о Коневе маршал Голованов. Вот отрывок из неопубликованной второй части его мемуаров:

“Он мог вносить и вносил Верховному немало различных предложений и отстаивал свою точку зрения по ним. Был смел и решителен, отправляясь подчас непосредственно в батальоны и роты для личного руководства боем, оставляя штаб фронта, а следовательно, и управление войсками. После внушения со стороны И. В. Сталина о недопустимости подобных явлений послушался его и такие выезды в дальнейшем прекратил, оставшись, однако, при своем мнении.

Осенью 1942 года в моем присутствии в разговоре с Верховным он поставил вопрос о ликвидации института комиссаров в Красной Армии, мотивируя это тем, что институт сейчас не нужен.

Главное, что сейчас нужно в армии, доказывал он, это единоначалие”.

— Зачем мне нужен комиссар, когда я и сам им был! — говорил Конев. — Мне нужен помощник, заместитель по политической работе в войсках, чтобы я был спокоен за этот участок, а с остальным я и сам справлюсь.

Командный состав доказал свою преданность Родине и не нуждается в дополнительном контроле, а в институте комиссаров есть элемент недоверия нашим командным кадрам.

Это произвело впечатление на Сталина, и он стал выяснять мнения по этому вопросу. Большинство поддержало Коневу, и решением Политбюро институт комиссаров в армии упразднили, отметив, что он сыграл положительную роль в начальном периоде войны.

Сталин, отменял Голованов, всегда отзывался о Коневе положительно, хотя и указывал ему на его недостатки.

“Не раз Верховный брал его под защиту и, надо сказать, был очень доволен, когда дела у Ивана Степановича пошли, образно говоря, в гору, видимо, считая, что и он, Сталин, имеет к этому определенное отношение. Надо прямо сказать, что все награды, полученные Коневым, а также высокое звание Маршала Советского Союза достались ему по праву и нелегко. Иван Степанович Конев вошел в когорту заслуженных полководцев нашего государства”.

...Когда же я сам думаю о Коневе, в памяти возникают три эпизода. Первый я слышал от друзей Е. В. Вучетича — знаменитый скульптор лепил портрет не менее знаменитого полководца. Договорились о встрече, и Иван Степанович вышел к мастеру при полном параде:

— Ну, как меня наградили?

— Хорошо, только многовато, — сказал Вучетич, прикидывая, что в портрете такое обилие наград может затмить лицо.

— Да, многовато, многовато, — согласился Конев. — То есть как многовато?

— Орден Подвязки на х... болтается, — заметил скульптор.

Конев тут же сказал порученцу: — Свинти с х... Подвязку!

...Второй эпизод известен всем на земле, да, может, теперь кое-кем нарочно позабыт. Май 1945-го. Ликующая Прага. В открытом автомобиле едет русский маршал — весь в чехословацких цветах.

...И третий эпизод — сугубо личный. Его знаю только я, да, может, еще кто-нибудь случайно. В начале семидесятых годов я входил в состав Центрального Комитета комсомола и должен был выступать на очередном пленуме ЦК. Мне

сказали, что дадут слово в конце пленума. Я сидел в зале, ожидая объявления председательствующего Б. Н. Пастухова, но тут в президиуме появился И. С. Конев, ему предложили выступить, и на меня времени не хватило. Пленум закончился, не скрою, было обидно, что зря готовился и, как всегда, волновался, но, однако, запомнилось, что мое время для выступления “съел” маршал Конев...

Недавно я узнал, что поляки сломали памятник маршалу Коневу в Кракове — городе, спасенном Коневым от полного уничтожения немцами. Земляки Ивана Степановича решили увезти памятник в Россию и установить на родине. По дороге кто-то украл бронзовую руку... Люди стали иными.

МАРКИАН ПОПОВ

Фамилию генерала Попова я читал еще в детстве в приказах Верховного Главнокомандующего. Но не обращал особого внимания. По-настоящему я узнал о нем от А. Е. Голованова. Рассказывая о нем, Александр Евгеньевич всегда улыбался, вспоминая какой-нибудь эпизод, не укладывающийся в рамки понятия о полководце. А по словам Голованова, Маркиан Михайлович Попов — человек выдающихся военных способностей, самородок в военном деле, и место его — в ряду лучших наших маршалов, хотя сам он этого звания так и не получил. “Слабость к спиртному и прекрасному полу все время вставала ему поперек дороги, — говорил Голованов. — Так он и остался генералом армии, хотя командовал и фронтами, и округами”.

Голованов познакомился с Поповым в 1943 году, когда тот командовал Брянским фронтом. Приехал он к нему в штаб вместе с Г. К. Жуковым и слушал доклад командующего фронтом Георгию Константиновичу о положении на фронте и наметках решения по предстоящему наступлению войск.

“Слушая его ответы на задаваемые Г. К. Жуковым вопросы, — говорит Голованов, — я увидел человека необычного склада ума. Он отлично знает свои войска, не задумываясь, со знанием дела, отвечает на любые вопросы Жукова, ему не нужно на это ни времени, ни уточнений. Доклад шел без бумаг или каких-то записей. Он носил даже, я бы сказал, какой-то несколько театральный характер, показной, что ли. С одной стороны, короткий, предельно ясный доклад, такие же короткие, емкие ответы на вопросы показывали, что перед вами прекрасно образованный человек и весьма способный в военном отношении. С другой стороны, мне не приходилось видеть ни одного командующего, который вел бы себя столь свободно, почти на грани развязности, слово это так и вертится на языке, потому что грань была все же где-то близко. Он говорил с Жуковым таким тоном, каким обычно подчиненные не говорят с начальниками. Положительного впечатления это не производило, и в то же время и претензий к нему никаких не предъявишь. А по выражению лица Жукова было видно, что он удовлетворен и докладом, и ответами Попова”.

Голованов потом поделился своими впечатлениями с Жуковым, а тот улыбнулся и сказал: “Это кажется поначалу, когда его как следует еще не знаешь. На самом деле это дисциплинированный, образованный и очень способный командующий. Таких не особенно много”.

Потом Голованов заметил, что Попов резко отличался от некоторых командующих и в общении с подчиненными. Когда фронт начал отступление и не все поначалу шло, как задумано, Попов не переносил на них свою некоторую нервозность. Он вежливо разговаривал с командармами, поддерживал бодрость духа у подчиненных.

“М. М. Попов своим поведением и общением с подчиненными очень походил на Рокоссовского, — говорил Голованов. — Чего греха таить, были у нас такие, надо прямо сказать, неплохие командующие, которые, однако, во время боя проявляли неуравновешенность, нервозность. Я знал таких командующих армиями и других командиров, которые при разговоре с командующим фронтом по телефону не раз побывали на том свете, а после проведения операции получали награды вплоть до Звезды Героя”.

М. М. Попов успешно командовал армией в Сталинградской битве, и после ее завершения Сталин решил его назначить командующим фронтом и вызвал в Ставку. Такое распоряжение обычно выполнялось незамедлительно. Ждали Попова в Москве на другой день. Однако прошли сутки, вторые, а Попова в Ставке

не было, хотя сообщили, что вылетел он вовремя. Прибыл на третьи сутки в полном здравии. Невиданное ЧП. Дружья искренне жалели, что так нелепо закончится карьера весьма способного генерала, который еще до войны совсем молодым человеком командовал военным округом.

Однако Сталин, который, видимо, уже получил информацию, где пропал Попов, вместо того, чтобы воздать ему по заслугам, рассказал случай из гражданской войны, когда Троцкий потребовал снять с должности одного командира дивизии, обвинив его в пьянстве. Ленин поручил Сталину разобраться с этим делом. Сталин прибыл на фронт, вызвал к себе командный состав дивизии и прямо поставил вопрос: как они оценивают своего командира?

Все в один голос ответили, что лучшего командира они не видели, что бойцы идут за ним в огонь и в воду, дивизия успешно сражается.

— А вот Троцкий говорит, что он пьяница, и требует снять, — сказал Сталин.

— Какой он пьяница? Он пьет только тогда, когда нет боевых действий — от безделья! — ответили командиры.

Сталин доложил Ленину, и было решено оставить командира на своем месте, только больше загрузить работой, чтобы у него не оставалось времени для безделья.

— Видите, как товарищ Ленин решал такие вопросы? — сказал Сталин собравшимся в Ставке. — Можно мириться со многими недостатками человека, лишь бы голова была на плечах. С недостатками бороться можно и исправить их можно — новой же головы человеку не поставишь.

И Попов стал командовать Брянским фронтом, войска которого успешно справились со своей задачей в Курской битве, и Маркиан Михайлович уже в звании генерала армии был назначен на другой фронт. Однако здесь его личные слабости стали уже влиять на интересы дела, и его освободили от командования фронтом, понизили в звании, назначили на менее ответственную должность. До конца войны он командовал армиями и штабами, а после победы был командующим ряда военных округов, снова став генералом армии.

В мирное время, когда проводились крупные учения, Маркиан Михайлович снова блеснул своим военным даром, командуя армией в обороне и наголову разбив значительно превосходившего в силах “противника”, которым командовал сам министр...

К сожалению, прославленный герой Великой Отечественной ушел из жизни преждевременно и нелепо, и виной тому оказались его прежние слабости. Он сторел на даче с женщиной...

РОКОССОВСКИЙ

— Полководцем Номер Один я все-таки считаю Рокоссовского, — не раз говорил мне Голованов. — Он выше и Жукова, и Василевского. Правда, с Василевским его трудно сравнивать, тот штабист, и, когда его поставили вместо погибшего Черняховского на 3-й Белорусский фронт, он ведь себя не проявил. И на Дальнем Востоке он был просто удобным человеком для Ставки.

Рокоссовскому принадлежит Белорусская операция, которую считаю образцом, жемчужиной военного искусства. Она сильнее Сталинграда. А ведь с идеей Рокоссовского ни Жуков, ни Василевский не соглашались, один Сталин поддержал, в литературе сейчас все смешали. А я-то хорошо помню, как было...

Когда в серии “Жизнь замечательных людей” вышла книга о Рокоссовском, я попросил Голованова написать о ней рецензию. Она была напечатана в журнале “Молодая гвардия”. Приведу отрывок:

“Если бы меня спросили, рядом с какими полководцами прошлого я поставил бы Рокоссовского, я бы, не задумываясь, ответил: рядом с Суворовым и Кутузовым. Полководческое дарование Рокоссовского было поистине уникальным, и оно ожидает еще своего исследователя. Редкие качества характера К. К. Рокоссовского настолько запоминались каждому, кто хоть раз видел его или говорил с ним, что нередко занимают в воспоминаниях современников больше места, чем анализ полководческого искусства Константина Константиновича. Да и сам Рокоссовский не любил, когда говорили или писали о его полководческом таланте. Он предпочитал, чтобы писали не о нем, а о его соратниках. Этим, очевидно, можно объяснить, скажем, то, что танковое сражение возле Прохоровки современному

читателю известно больше, чем тот факт, что решающий вклад в дело разгрома немцев на Курской дуге внес Рокоссовский”.

Это напечатали. А вот отрывок из второй части Головановских мемуаров, которые до сих пор не опубликованы — в ту пору не пропускала цензура, а сейчас толпу интересует другое. Но я хочу, чтобы те, кому дорога слава Отечества, знали мнение одного из его славных военачальников о другом:

“Пожалуй, это наиболее колоритная фигура из всех командующих фронтами, с которыми мне довелось столкнуться во время Великой Отечественной войны. С первых же дней войны он стал проявлять свои незаурядные способности. Начав войну в Киевском особом военном округе в должности командира механизированного корпуса, он уже в скором времени стал командующим легендарной 16-й армии, прославившей себя в битве под Москвой...”

Надо сказать, что войну Рокоссовский встретил, в отличие от многих наших командиров, очень подготовленно и грамотно. Попав в окружение под Луцком, перешел в контрнаступление и, разбив превосходящие силы врага, послал в вышестоящий штаб депешу с просьбой разрешить ему взять Варшаву. Естественно, он не знал общего положения на театре военных действий, и ему совершенно справедливо было приказано отступить. Рокоссовский, отступая, вывел свой корпус в расположение наших войск с соотношением потерь 1:2,5 не в пользу немцев. И это летом 1941 года! Как известно, за отступление орденов не давали, но к боевым наградам Рокоссовского, полученным за первую мировую, гражданскую, добавилась орден Красного Знамени. И еще одна деталь. В штабе корпуса не все однозначно восприняли намерение командира наступать на Польшу: ведь только недавно он был еще “врагом народа” и сидел в тюрьме. Первым сбежал из штаба представитель НКВД — на всякий случай...

Во время следствия в 1938 году Рокоссовский ни на кого не показал, ни одного человека не арестовали по его “делу”. За это особо уважали Константина Константиновича. В семье Рокоссовского мне говорили, что Сталин спрашивал Константина Константиновича:

— Там били?

— Били, товарищ Сталин.

— Сколько у нас еще людей “чего изволите?” — сказал Сталин. Он просил прощения у Рокоссовского. Возможно, это был единственный подобный случай.

Рокоссовский отсидел два с половиной года, причем был заключен в Шлиссельбургскую крепость, в так называемый “зверинец”. “Дело” на него не получилось — пришлось выпустить. Вспомнили о нем “наверху”. Говорят, сам Сталин...

Рокоссовский первым перешел в контрнаступление под Москвой. Его 16-я армия вписала свою строку в ратную славу России.

Далее Голованов пишет: “Сколь велика была его известность у противника, можно судить по следующему эпизоду. У командующего 10-й армией генерала Ф. И. Голикова не ладилась дела под Сухиничами, которыми он никак не мог овладеть. Был направлен туда вместо Голикова Рокоссовский, который открытым текстом повел по радиосвязи разговоры о своем перемещении в район Сухиничей, рассчитывая на перехват его переговоров противником. Этот расчет оказался верным. Рокоссовский прибыл под Сухиничи, и ему не пришлось даже организовывать боя, так как противник, узнав об этом, немедленно оставил город без сопротивления. Вот каким был Рокоссовский для врага еще в 1941 году! По одному и тому же плану, что не вышло у Голикова, получилось у Рокоссовского, к тому же без боя и потерь”.

Назначенный под Сталинград, Рокоссовский блестяще провел операцию “Кольцо”, окружив более чем трехсоттысячную армию генерал-фельдмаршала Паулюса. Интересная деталь: плененный немецкий фельдмаршал отдал свое личное оружие — пистолет — именно генералу Рокоссовскому как побежденный победителю.

Оля, домашняя работница в семье Рокоссовских, говорила мне:

— Я тоже личность историческая: я ездила на автомобиле Паулюса с кремовыми диванами!

Она так отзывается о Константине Константиновиче:

— Такого человека не было и больше никогда не будет. Он уехал на фронт, а мы — в Новосибирск. Жили бедно, в общей квартире. А потом Константин Константинович очень прославился на фронте...

“Когда мы прибыли из Сталинграда, — рассказывал А. Е. Голованов, — нас

принял Сталин, это после завершения операции “Кольцо”, всех поздравил, пожал руку каждому из командующих, а Рокоссовского обнял и сказал:

— Спасибо, Константин Константинович!

Я не слышал, чтобы Верховный называл кого-либо по имени и отчеству, кроме Б. М. Шапошникова, однако после Сталинградской битвы Рокоссовский был вторым человеком, которого И. В. Сталин стал называть по имени и отчеству. Это все сразу заметили. И ни у кого тогда не было сомнения, кто самый главный герой, — полководец Сталинграда...

Это много лет спустя главными героями Сталинградской битвы станут А. И. Еременко и Н. С. Хрущев. Еременко командовал Сталинградским фронтом всего двадцать дней и был заменен Рокоссовским.

В канун двадцатилетия Сталинградской битвы, в 1963 году, Рокоссовский отказался лететь на празднование в Сталинград, узнав, что там уже Еременко...

После Московской битвы “Правда” опубликовала портреты прославившихся командармов. Среди них был портрет красавца-генерала, который впервые был назван не “командиром Р.”, а полной фамилией — Рокоссовский. Его узнала страна. После битвы под Сталинградом имя его прогремело на весь мир.

Далее А. Е. Голованов пишет: “4 февраля 1943 года Рокоссовский был отозван Ставкой из Сталинграда, и ему не пришлось как командующему войсками Донского фронта принять участие в митинге, который был организован в Сталинграде по поводу разгрома противника и окончательного освобождения города. Присутствовать на митинге попросился Н. С. Хрущев, что ему и было разрешено, хотя никакого отношения к боевым действиям войск Донского фронта и ликвидации окруженного противника он не имел, хотя принимал участие в обороне Сталинграда. Упоминаю об этом лишь потому, что, когда отмечалось двадцатилетие победы в Сталинградской битве, на всех экранах нашей страны Н. С. Хрущев показывался как главный участник этого события...”

А Рокоссовский принял новое назначение — он стал командующим войсками вновь созданного Центрального фронта, которому предстояло сыграть решающую роль в битве на Курской дуге.

Все действия Рокоссовского на Центральном фронте, если их сейчас проанализировать, говорили о том, что он ждет немецкого наступления и тщательно готовит оборону, чтобы противник попытался использовать, казалось бы, выгодную для него ситуацию. Об этом он написал докладную Сталину. Рокоссовского поддержал Жуков, и было принято решение об обороне. Рокоссовский был уверен, что именно на Курской дуге решится исход кампании 1943 года. С обеих сторон было сосредоточено огромное количество войск и техники. Не все в военном руководстве были согласны с ожиданием наступления противника.

“Например, Н. Ф. Ватутин и Н. С. Хрущев, член военного совета Воронежского фронта, предлагали нанести упреждающий удар по противнику, а проще говоря, первыми начать наступление на этом направлении, — пишет А. Е. Голованов, — что несколько колебало уверенность Верховного в принятом им решении вести здесь оборонительные действия. Бывая у него с докладами, я слышал сомнения в том, правильно ли мы поступаем, ожидая начала действий со стороны немцев. Однако такой разговор обычно кончался так: “Я верю Рокоссовскому! — заключал Сталин”.

С приближением лета нарастала напряженность. Чьи нервы крепче? Разведка давала, казалось бы, абсолютно точные данные о начале наступления, но названные числа проходили, а никаких наступательных действий противник не начинал. Прошел май. Опять вслышали разговоры об упреждающем ударе с нашей стороны. Рокоссовский переживал, как бы в Ставке не приняли такое решение. Соотношение сил было примерно равным, и преимущество будет на стороне обороны. Наступающий должен иметь значительное превосходство в силах и, особенно, в средствах. Организованная оборона давала твердую уверенность Рокоссовскому, что он разгромит противника, а возможное наше наступление наводило на размышления. Тем более что Рокоссовский принадлежал к числу тех полководцев, которые планировали операции с минимальными потерями. Однако Ватутин по-прежнему уверен в успехе предлагаемого им упреждающего удара...

В конце июня разведка донесла, что противник начнет наступление второго июля. Но ни второго, ни третьего, ни четвертого июля ничего не произошло. Напряжение росло.

“В ночь на пятое июля я был на докладе у Сталина, на даче, — пишет Голованов. — Он был один. Выслушав мой доклад и подписав представленные

бумаги, Верховный сразу заговорил о Рокоссовском. Он довольно подробно вспомнил деятельность Константина Константиновича и под Москвой, и под Сталинградом, особенно подчеркнув его самостоятельность и твердость в принятии своих решений, уверенность в правильности, а главное, обоснованность вносимых им предложений, которые всегда себя оправдывали, и, наконец, Сталин заговорил о создавшемся сейчас положении на Центральном и Воронежском фронтах. Рассказал о разговоре с Рокоссовским, где на вопрос, сможет ли он сейчас наступать, последний ответил, что для наступления, имея в виду соотношение сил, ему нужны дополнительные силы и средства, чтобы гарантировать успех, и настаивал на том, что немцы обязательно начнут наступление, что они не выдержат долго, ибо перевозочных средств у них сейчас еле хватает лишь на то, чтобы восполнить текущие расходы войны и подвозить продовольствие для войск, и что противник не в состоянии находиться в таком положении длительное время. И, наконец, не то вопросом, не то с каким-то сожалением Сталин сказал:

— Неужели Рокоссовский ошибается?.. — Немного помолчав, Верховный сказал: — У него там сейчас Жуков.

Из этой реплики мне стало ясно, с какой задачей находится Георгий Константинович у Рокоссовского. Было уже утро, когда я собирался попросить разрешения уйти, но раздавшийся телефонный звонок остановил меня. Не торопясь, Сталин поднял трубку ВЧ. Звонил Рокоссовский. Радостным голосом он доложил:

— Товарищ Сталин! Немцы начали наступление!

— А чему вы радуетесь? — спросил несколько удивленно Верховный.

— Теперь победа будет за нами, товарищ Сталин! — ответил Константин Константинович.

Разговор был окончен.

— А все-таки Рокоссовский опять оказался прав, — как бы для себя сказал Сталин. И обращая ко мне: — Отправляйтесь, пожалуйста, на Курскую дугу, свяжитесь с Жуковым и помогайте им там. О том, что вы вылетаете, я Жукову сообщу.

Распрощавшись, я вернулся в штаб и оттуда — прямо на аэродром, и сразу на фронт.

Считаю нужным привести изложенное потому, что у ряда товарищей сейчас существует уже укоренившееся мнение о том, что оборонительные действия на Курской дуге были заранее предусмотрены... Именно здесь, на Курской дуге было решено нашим Верховным Главнокомандованием продолжить дальнейшие наступательные действия...”

Рокоссовский оттягивал это решение, просил у Сталина то пятьсот грузовиков, то снаряды еще... “Тянет Рокоссовский, — говорил Сталин. — А может, и правильно делает?”

В итоге Рокоссовский выиграл у таких опытных немецких полководцев, как фельдмаршалы Манштейн и Клюге. Тем более что Воронежский фронт, который должен был оказывать содействие Центральному, попал в очень тяжелое положение.

Рокоссовский потом рассказывал Голованову, что в ночь на пятое июля ему стало ясно: немцы сейчас начнут наступать. Жуков, которому доложили о сведениях, полученных от пленных немцев, поручил Рокоссовскому действовать по собственному усмотрению. За сорок минут до указанного пленными времени начала наступления Рокоссовский приказал открыть огонь из пятисот орудий, четырехсот шестидесяти минометов и ста реактивных установок. Это было в два часа двадцать минут, и только в четыре тридцать противник после нашего ураганного огня начал артподготовку, а в пять тридцать перешел в наступление.

— Когда немцы перешли в наступление, у меня как будто гора с плеч свалилась, — сказал Константин Константинович.

А Сталин скажет так: “Если битва под Сталинградом предвешала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила ее перед катастрофой”.

В 1944 году пришло время знаменитой Белорусской операции. В Ставке обсуждались разные варианты проведения этой операции. Основной вопрос — где наносить главный удар?

Предложение командующего Первым Белорусским фронтом генерала армии Рокоссовского было необычным: нанести одновременно два главных удара. До сих пор при прорыве подготовленной обороны противника наносился, как правило,

один главный удар, остальные удары бывали вспомогательными, чтобы противник не мог определить, на каком направлении должен развиваться успех. Г. К. Жуков и Генеральный штаб были категорически против двух главных ударов и настаивали на одном — с плацдарма на Днестре в районе Рогачева. Верховный тоже придерживался такого же мнения. По логике, вариант Рокоссовского половинил силы и средства, что казалось просто недопустимым при проведении такой крупномасштабной операции.

“Если бы это предлагал не Рокоссовский, этот вариант при наличии таких оппонентов, как Сталин и Жуков, просто пропустили бы мимо ушей, — говорит Голованов, — в лучшем случае как необдуманное, в худшем — как безграмотное предложение”.

Верховный попросил у Рокоссовского пойти в другую комнату и еще раз подумать, прав ли он. Когда Константина Константиновича вызвали, он доложил, что своего мнения не меняет. Сталин попросил его еще раз выйти и подумать. Но, когда он снова вернулся в кабинет Верховного, по-прежнему остался тверд и непреклонен, хотя прекрасно понимал, что ему теперь будет грозить в случае неуспеха. Верховному стало ясно, что только глубоко убежденный в правильности своего мнения человек может так упорно стоять на своем.

Предложение Рокоссовского было принято, и он своим фронтом, передний край которого шел на протяжении порядка девяти сот километров, на правом фланге, впервые в мировой практике нанес два главных удара, и это оказалось наиболее обоснованным решением. Именно там, где наносился второй главный удар, был достигнут наибольший успех, а с плацдарма у Рогачева такого успеха сразу достигнуто не было, и развиваться он стал позже.

Немцы попали в огромные “котлы”. Белорусскую операцию изучают все военные академии мира. Она получила название “Багратион” — в честь выдающегося русского полководца 1812 года. Но, наверно, немногие знают, что такое имя ей дано еще и потому, что Сталин называл Рокоссовского “мой Багратион”...

“Боевые действия руководимых им войск, — пишет Голованов, — снискали ему не только славу великого полководца в нашей стране, но и создали ему мировую известность. Вряд ли можно назвать другого полководца, который бы так успешно действовал как в оборонительных, так и в наступательных операциях прошедшей войны. Благодаря своей широкой военной образованности, огромной личной культуре, умелому общению с подчиненными, к которым всегда относился с уважением, никогда не подчеркивая своего служебного положения, и в то же время обладая волевыми качествами и выдающимися организаторскими способностями, он снискал себе непререкаемый авторитет, уважение и любовь всех, кто с ним общался”. Об этом пишет в своих мемуарах и генерал Н. А. Антипенко: “Уважение к Рокоссовскому, к его личным качествам и военному авторитету было всеобщим и искренним”.

Его любили. Любили солдаты. Может быть, еще и потому, что по его поручению ездил по госпиталям генерал Русских и награждал орденами и медалями раненых рокоссовцев. Лежавшим рядом, получившим ранения на других фронтах, наверно, было обидно... О рокоссовцах ходили легенды, говорили, что они — сплошь штрафники. Но это далеко не так, вернее, совсем не так. Штрафников у Рокоссовского было не больше, чем у других командующих. Может, они громче славилась? Или потому так считали, что сам Рокоссовский — бывший “сиделец”?

Слышал я рассказ о солдате, сидящем на дороге и проволокой закручивающем сапоги. Машина не может проехать, остановилась. Из нее вышел командующий, спросил у солдата что-то насчет его занятия. Солдат, не поднимая головы, ответил:

— На Берлин идем, Гитлера е...!

Рокоссовскому до того понравилось, что он приказал наградить солдата орденом “за высокий моральный дух и политическую сознательность”.

...Что немаловажно, его любили и офицеры. Сергей Сергеевич Наровчатов, поэт, боевой офицер, рассказывал мне, что служил под командованием Жукова. Но когда в конце войны они узнали, что новым командующим у них будет Рокоссовский, все офицеры бросили вверх шапки и закричали “ура”! Пишу это несколько не в обиду Жукову, а как факт, рассказанный мне старшим товарищем по перу.

А Голованов поведал мне, как произошла эта смена командующих фронтами. Во время Висло-Одерской операции наши войска были ослаблены и не смогли

форсировать Вислу. Жуков как представитель Ставки взялся командовать фронтом Рокоссовского и потерпел неудачу. Сталин позвонил Рокоссовскому:

— От кого, от кого, от вас, Константин Константинович, не ожидал.

— А я здесь не команду, товарищ Сталин, — ответил Рокоссовский. Жуков был снят с поста заместителя Верховного и назначен на фронт Рокоссовского, а Рокоссовский — на фронт Жукова.

“Такой приказ был, — говорит Голованов, — но несмотря на это, Жуков принимал капитуляцию и Парад Победы как заместитель Верховного, хотя таким уже фактически не был. Я убежден, что в душе Сталин хотел бы назначить принимать парад Рокоссовского, но умом назначил Жукова”.

Наверно, это справедливо, что в каждой уважающей себя армии должен быть “генерал без поражений”. В германской армии таким был Роммель. Когда ему грозил разгром англичанами, Гитлер вывел его из Африки. В нашей армии таким был Жуков. Когда не получалось с прорывом блокады Ленинграда и не могло пока еще получиться, Сталин отозвал оттуда Жукова...

Голованов пишет: “Рокоссовскому, как лучшему из лучших командующих фронтами, было предоставлено право командовать парадом Победы на Красной площади. И встретились опять два выдающихся полководца нашего времени: Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский — уже не на поле брани, а праздную Победу. Один принимал парад, другой командовал им”. Сталин просто так ничего не делал: два самых лучших, самых прославленных...

И вот еще из “неопубликованного Голованова”:

“Обладая даром предвидения, он почти всегда безошибочно разгадывал намерения противника, предупреждал их и, как правило, выходил победителем. Сейчас еще не изучены и не подняты все материалы по Великой Отечественной войне, но можно сказать с уверенностью, что, когда это произойдет, К. К. Рокоссовский, бесспорно, будет во главе наших советских полководцев”.

Не буду спорить. Вот мнение Голованова, которое он всегда твердо отстаивал.

...Много кривотолков ходит о назначении Рокоссовского в Польшу после войны. Некоторые историки считают, что Сталин решил избавиться от таких народных героев, как Жуков и Рокоссовский, потому что вроде бы видел в них конкурентов себе. Одного назначил командующим округом, а другого отправил в Польшу. Эта версия явно не соответствует действительности.

Мы знаем, как снимали Жукова с должности Главкома Сухопутных сил в 1946 году. Рокоссовский отдавал должное Жукову как полководцу, высоко ценил его военный талант и вместе с тем считал, что требовательность Жукова к подчиненным часто переходит все границы, но он так же требователен и к себе и цели добивается любым путем. Стиль его работы с людьми Рокоссовский считал недопустимым. Однако, когда Жукова снимали при Сталине, первым за него заступился именно Рокоссовский. Что же касается назначения Рокоссовского в Польшу в 1949 году, то это отнюдь не было ссылкой. Голованов так пишет об отношении Сталина к Рокоссовскому:

“Рокоссовский был полководцем, к которому с большим уважением, с большой теплотой относился И. В. Сталин. Он по-мужски, то есть ничем не проявляя это на людях, любил его за светлый ум, широту мышления, культуру, скромность и, наконец, за его мужество, личную храбрость, решительность и в то же самое время за его отношение к людям, своим подчиненным. Единственный, кого Сталин после Шапошникова стал называть по имени-отчеству, был у Верховного на особом счету”.

После войны Рокоссовский был Главнокомандующим Северной Группы войск. В 1949 году его вызвали в Москву. Сталин пригласил на дачу.

— Константин Константинович, у меня к вам большая личная просьба, — сказал Сталин. — Обстановка такова, что нужно, чтобы вы возглавили армию народной Польши. Все советские звания остаются за вами, а там вы станете министром обороны, заместителем председателя Совета министров, членом Политбюро и маршалом Польши. Я бы очень хотел, Константин Константинович, чтоб вы согласились, иначе мы можем потерять Польшу. Наладите дело — вернетесь.

Сам Рокоссовский говорил, что его не очень-то прельщала такая перспектива, тем более что польский язык он почти не знал, но просьба Сталина — не простая просьба... Пришлось ехать.

Вспоминая о польском периоде своей службы, богатырь двух народов (мать русская, отец поляк), Константин Константинович любил рассказывать, как ему

дали красивую секретаршу, и она утром явилась к нему в кабинет с бумагами: — А там все по-польски написано, и я пытаюсь говорить по-польски — беру русский корень слова и приделываю к нему шипящее окончание: “Разобрамшись, докладайте!”, дескать, разберись, а потом докладывай. Но секретарша смутилась и спросила, хорошо ли пан Рокоссовский знает “польскую мову”.

Оказывается, я сказал ей: “Раздевайся, а потом докладывай!”

Красавец он был все-таки, ничего не скажешь. Наверно, самый красивый из наших полководцев. Я видел его портрет, вышитый шелком польскими женщинами.

...Теперь уж можно рассказать — был у него роман с известной актрисой. Она даже пришла и рассказала об этом жене Рокоссовского Юлии Петровне. “Мы сами разберемся”, — ответила ей Юлия Петровна, и актриса была поражена ее благородством. Ведь она написала письмо Генеральному Прокурору СССР о том, что давно близка с Константином Константиновичем, а тот почему-то не хочет оформить юридически их отношения. Неизвестно, как реагировал главный законник страны — он не оставил следов на этом послании. Зато есть резолюция другого человека:

“Суворова сейчас нет. В Красной Армии есть Рокоссовский. Прошу это учесть при разборе данного дела. И. Сталин”.

А актриса показывала друзьям золотые часики с выгравированной надписью: “ВВС от РКК” — то есть “Военно-воздушным силам от Рабоче-Крестьянской Красной”...

Не знаю, кто бы рискнул разбирать это “дело” после такой резолюции, где Сталин, ни слова не говоря о сути “дела”, поставил своего “Багратиона” рядом с Суворовым...

Польская форма ему шла, как и советская. Есть фотографии. На одной — он на похоронах Сталина. Вспоминаются стихи Суркова:

*Вот перед гробом плачет маршал Польши —
Твой никогда не плакавший солдат.*

В Польской Народной Республике, на ее высоких постах, он пробыл семь лет. В 1956 году там начались волнения, выступления против власти коммунистов.

“Польское Политбюро не знает, что делать. День и ночь заседают и пьют “каву”, — говорил Константин Константинович. — А в стране сложная обстановка, убивают коммунистов... Я слушал-слушал, пошел к себе в кабинет и вызвал танковый-жорпус...”

В ту пору Польше не удалось порвать с социализмом. Но Рокоссовский был вынужден улететь в Москву — навсегда. Говорят, всего с одним чемоданчиком.

В Москве маршала двух армий принял Н. С. Хрущев и сообщил о назначении заместителем министра обороны СССР.

— По мне бы и округом командовать вполне достаточно, — ответил скромный Рокоссовский.

— Да вы не подумайте — это мы потому вас так высоко назначили, чтоб этим полячишкам нос утереть! — ответил Никита Сергеевич.

“И так он плюнул в душу этими словами, — вспоминал Константин Константинович. — Мол, сам-то ты ничего из себя не представляешь, а это ради высокой политики сделано...”

Но настоящий плевок был впереди, когда Хрущев развернул антисталинскую кампанию. Он попросил Рокоссовского написать что-нибудь о Сталине, да почерней, как делали многие в те и последующие годы. От имени Рокоссовского это здорово прозвучало бы: народный герой, любимец армии, сам пострадал в известные годы...

Маршал наотрез отказался писать подобную статью, заявив Хрущеву:

— Никита Сергеевич, товарищ Сталин для меня святой!

На другой день, как обычно, он приехал на работу, а в его кабинете, в его кресле уже сидел маршал К. С. Москаленко, который предъявил ему решение Политбюро о снятии с поста заместителя министра. Даже не позвонили заранее...

“Встану утром, сделаю зарядку, умоюсь, побреюсь и вспомню, что мне некуда и незачем идти, — говорил Константин Константинович Голованову. — Мы свое дело сделали и сейчас мы не только не нужны, но даже мешаем тем, кому хочется по-своему изобразить войну”.

На одном из правительственных приемов, когда произнесли тост за Н. С. Хрущева и все потянулись к нему с рюмками чокнуться, даже хромой, еле

передвигающийся военачальник, в общем, все, — Рокоссовский и Голованов остались стоять на месте, а они самые длинные, самые заметные. Больше их на такие приемы не приглашали. Оба оставались в тени.

Уже при Брежневе на приеме в честь монгольской делегации Голованов подошел к А. Н. Косыгину, тогдашнему премьеру, и спросил:

— Что вы имеете против Рокоссовского?

— Я? Ничего, — ответил Алексей Николаевич.

Вскоре после этого в квартире Рокоссовского раздался телефонный звонок: немедленно прибыть в министерство обороны, комната такая-то. “Так мне звонили только один раз в жизни, — говорил потом Константин Константинович, — когда я был командиром корпуса в 1938 году. Когда арестовали”.

В министерстве обороны его никто не встретил, даже вначале часовой не хотел пропускать. В комнате, куда назначили придти, увидел человека в штатском.

— Вы кто? — спросил штатский.

— Рокоссовский.

— А, проходите. Мы тут собрались делать фотоальбом, маршалов фотографировем.

“А я подумал — все”, — признавался Рокоссовский.

...Он был из тех людей, которых называют легендарными. Помню военную песню о батальонном командире, где есть такие слова:

*Капитан, наш любимый комбат капитан,
капитан гладко выбрит и чуточку пьян,
капитан, мы встаем по команде “вперед!”,
капитан раньше нас на секунду встает...
И в честь него гремел салют московский,
он под Варшавой дрался впереди,
и не его ли обнял Рокоссовский,
срывая орден со своей груди!*

Если о человеке поют, наверно, это что-то значит. Когда Жуков стал четырежды Героем, его поздравил Буденный, на что Жуков ответил:

— Семен Михайлович, обо мне песен не поют, а о вас поют...

Конечно, это не самое главное. Но безразличия к фамилии Рокоссовского не было никогда, она вызывала восхищение. Рокоссовский — звучит как бой, как музыка Победы, как ратная слава. Красавец в генеральском кителе стоит над бруствером 1941 года. Пуля сшибает с головы фуражку, а он и не думает об укрытии. Что это? Бравада? Думайте так. Но тот, кто еще минуту назад помышлял сдать в плен, не побежит к врагу, увидев т а к о г о генерала.

Немцы давали прозвища нашим полководцам. Был, например, “генерал Паника”... Рокоссовского враги прозвали “генерал Кинжал” — победу он добывал на стороне кинжала, который, углубляясь в противника, окончательно поражает его.

Во время “холодной войны”, когда американцы угрожали нам со своих баз в Турции и накалилась южная граница, в западной печати промелькнуло краткое сообщение: “Командующим Закавказским военным округом назначен маршал Рокоссовский — мастер стремительных ударов и массовых окружений”. Был ли вообще Рокоссовский в этой должности, я не знаю, но заметка возымела действие...

Все, кто знал Рокоссовского, говорят прежде всего о его человеческих качествах, которые, на первый взгляд, даже затмевали в нем талант полководца. Отмечают, что его скромность мешала ему громко сказать о себе.

Известный детский поэт С. Я. Маршак рассказывал, как на аллее одного из подмосковных санаториев он часто встречал высокого, подтянутого мужчину. Стали здороваться друг с другом, потом как-то вместе оказались на одной скамейке. “Было что-то очень знакомое в нем, в его выправке, — говорил Маршак, — и я спросил, не военный ли он?”

— Военный.

— Наверно, были и на фронте?

— Воевал. Приходилось.

— Я тоже часто бывал на фронтах, — сказал ему Маршак и стал говорить о

своих воинских доблестях. А потом поинтересовался фамилией собеседника — уж больно знакомое лицо!

— Рокоссовский, — просто ответил новый знакомый. “Представляете мое состояние!” — смеялся Самуил Яковлевич.

Что-то гордое согревает душу, когда под музейным стеклом читаю текст ультиматума, направленного гарнизону одного из немецких городов: “Я, маршал Рокоссовский, наголову разгромивший ваши войска под Сталинградом и Курском...”

Это писал наш полководец, именем нашей страны, на государственном языке нашего народа.

Когда я думаю о нем, жизнь его вспыхивает передо мной яркими картинками. Вот он в штатском костюме, на Выставке достижений народного хозяйства, едет в открытом экскурсионном троллейбусе, и кто-то его уже узнал и раскрыл рот от изумления, а он улыбается и жестами умоляет не привлекать внимание...

Вот он собирается на военный парад и в потрясающем своем мундире, в золоте звезд, бриллиантах ордена “Победа” выходит на лестничную площадку. Навстречу идет подруга дочери Ады.

— Ну как я выгляжу, Марина? — улыбаясь, спрашивает он.

— Конец света, Константин Константинович!

А он и в старости был очень красив — так, что и не видно было старости.

Вот его пригласили на празднование годовщины освобождения Минска — он командовал теми войсками. Праздник устроили необычный, с огромным количеством цветов. И не то чтобы букеты преподнесли — было по-другому. Толпы народа образовали живой коридор, сквозь который шел Рокоссовский, и ему под ноги бросали розы. Это его последний праздник. Константин Константинович уже был тяжело болен. Он смущенно шагал, стараясь не наступать на живые цветы, но ему бросали их под ноги. Его любили. И этим все сказано.

Он умер в субботу 3 августа 1968 года. Хорошо помню тот день. Мы испытывали в Шереметьеве маленький самолетик Як-18Т, и я сидел в кабине, готовясь к полету. По радио передали сообщение...

Некролог был необычным. Ни до, ни после не помню таких слов в подобных официальных документах той эпохи:

“Один из выдающихся полководцев, воспитанных нашей партией, он отличался личной храбростью и большим человеческим обаянием... Личная скромность, чуткость к людям, беспримерное мужество и героизм в боях с врагами нашей Родины снискали ему всеобщую любовь и уважение”.

“Образ Константина Рокоссовского — славного талантливой Маршала, воина-героя, коммуниста и интернационалиста, благородного, скромного человека — навсегда останется в памяти воинов народного Войска Польского”, — писал Войцех Ярузельский.

Боевые товарищи решили сделать необычные похороны. То, что они придут в Колонный зал и на Красную площадь, было ясно. Маршалы, получившие это высокое звание на полях сражений, договорились, что они, а не члены Политбюро, поднимут урну с прахом Рокоссовского и понесут к Кремлевской стене. А тогда еще были живы Жуков, Василевский, Конев, Тимошенко, Мерецков, Голованов, адмирал Кузнецов... Члены Политбюро должны идти за ними...

Однако эта необычность кому-то не понравилась, и похоронили не как планировали, в среду, а на день раньше, во вторник, и многих военачальников не было.

“Я, например, был твердо уверен, что похороны будут в среду, и сидел на даче”, — признался Голованов.

Урну несли члены Политбюро. Брежнев прослезился. “Раньше надо было плакать”, — сказала ему вдова, Юлия Петровна...

Я познакомился с ней много позже. Когда впервые переступил порог их квартиры. Дом на улице Грановского стоит в барельефах бывших жильцов, как в орденках. Но почему-то до сих пор на нем нет мемориальной доски одному из самых прославленных его обитателей. “Пробивать надо”, — услышал я потом, в квартире.

— Куда идете? — спросили внизу.

— К Рокоссовским.

...Юлия Петровна сидела на полу. Она раскладывала фотографии: — Вот Константин Константинович умерший... Это он еще до ареста... Вот его жена, — говорит она о самой себе. — Вот их дочь Ада. Она недавно застрелилась...

Я пытаюсь отвлечь Юлию Петровну от новой трагедии и показываю на фотографию двадцатых годов, где молодой комполка снят с молодой женой:

— Вот тоже Константин Константинович, — говорю я.

— Ой, как вы его узнали! — всплескивает руками Юлия Петровна.

Видно, что она уже очень больна. Такая жизнь не могла не оставить жестоких следов.

Листаю альбом и задерживаюсь на пачке писем. Это тоже легенда, романтическая история безответной любви незнакомой английской женщины к русскому генералу. Много лет писала ему письма некая Милзи, которую он никогда в жизни так и не увидел. И она в него тоже влюбилась заочно, после Сталинградской битвы, когда его фотографии облетели весь мир. В своем доме она устроила для него комнату в русском стиле, собирала все, что связано с его именем.

Майская открытка с розовой ленточкой, написано печатными буквами по-русски: “Моему собственному возлюбленному Кон, от его преданной и вовеки верной Милзи. 1962 г.”

...А вот листочек из блокнота, озаглавленный: “Мысли мои” (подчеркнуто):

“Необходимо решительно отказаться от устаревших методов ведения боевых действий. Правильно используя всю силу ядерного оружия, применять это оружие для ведения боя в новых условиях особенностями и силой этого оружия. (Нужно думать)...

Оборона — как средство, заставит противника сосредоточить свои силы к районам обороны для нанесения по ним ударов ядерным оружием и перехода от нее к наступательным действиям.

О длительной обороне на одном месте не может быть и речи. Удар, преследование, остановка и опять удар...”

— А он так и делал, — говорит его внук, тоже Константин, тоже Рокоссовский, тоже высокий и красивый, тоже офицер, только погоны пока не маршальские...

Он был сыном времени, думал о защите Отечества и в нужный момент, конечно бы, не дрогнул.

Много легенд о нем...

В одном застолье я узнал, что шампанское с медалями на этикетках называют “Рокоссовский”. Конечно, это уже черт знает что, но есть же коньяк “Наполеон”! Право, стоило завоевывать мир, чтобы твоим именем назвали напиток или торт...

И все-таки, когда я думаю о Рокоссовском, то вижу перед собой снимок двух молоденьких конников, у которых все впереди — и страшные испытания, и мировая война. Ратная служба их породила вместе, и вот едут рядышком комдив Рокоссовский и комполка Жуков. И хоть долго, наверно, их будут сравнивать, оба достойны. Видно, прав В. М. Молотов, который сказал мне как-то:

— По характеру для крутых дел Жуков больше подходил. Но Рокоссовский при любом раскладе в первую тройку всегда войдет. А кто третий — надо подумать...

И через много лет те же два конника едут навстречу друг другу по Красной площади, и Рокоссовский, сдерживая коня и собственную улыбку, докладывает своему давнему сослуживцу Жукову:

— Товарищ Маршал Советского Союза! Войска Действующей армии и частей Московского гарнизона для парада Победы построены!

И передает свернутый трубочкой рапорт. Они едут рядом на белом и вороном конях, и под копытами — поверженные знамена германского вермахта.

Это — бессмертие.